

«Там — озера чернеют корягами, и гагары призывно кричат...»

(Начало в №№ 13, 14, 15, 16)

На болоте туманных зорь

ОБИЛЬНАЯ РОСА покрывает травы и кустарники. Мы оставляем за собой широкий, хорошо заметный след. Ноги мгновенно намокают. Вода, скатываясь по плотной ткани, течет за голенища сапог. Придя в лагерь к обеду, снимаем намокшую обувь, выливаем из нее воду, отжимаем портянки и развешиваем у костра. А вечером все это придется повторить сначала.

Стараемся уберечь от воды только спальные и оборудование. Это удастся, если не случается ливень, обычный для нашего сибирского лета. Однажды сильный дождь застал нас на подходе к лагерю. Когда дошли до места, на нас уже сухой нитки не было, но ливень и не думал кончаться. Старенькая, выдавшая виды палатка очень скоро намокла, и мы сидели в ней под струями воды, терпеливо ожидая окончания дождя. Вообще, за три-четыре дня, проведенных на болоте, начинаешь чувствовать себя лягушкой.

Впрочем, начиная свой путь ранним утром, помимо воды в сапогах, неудобств мы не испытываем. Пока темно, прохладно и сыро, нас сопровождает только длинный шлейф комаров. Но эти славные создания так же мало докучают нам, как, скажем, зимой снег. Очевидно, мы к ним уже полностью адаптировались. Но лишь только всходит солнце, появляются другие, несносные твари, привыкнуть к которым, наверное, невозможно. Чаще всего это слепни. Их несколько видов, а количество не поддается никакому описанию. В некоторые годы бывает много мошки. Тогда наш дивный уголок превращается в крошечный ад, в котором забываешь и про воду, и про усталость, и хочется

только идти и идти, или даже бежать, не останавливаясь. Но останавливаться все же приходится, ведь это не просто прогулка: иногда мы надолго застаиваемся, чтобы найти гнездо, иногда ловим еще плохо летающих птенцов, колыуем и промеряем их.

Вот, наконец, добредаем до палатки, быстро обедаем и ложимся отдыхать, если можно назвать отдыхом нахождение в «духовке», ибо именно ее напоминает стоячая на болоте палатка в жаркий июльский полдень. Зато можно скинуть одежду — комары и слепни почти не проникают под пол. Гул летающих насекомых снаружи заглушает все остальные звуки. По мере того как скатывается к западу солнце, спадает жара, уменьшаются в количестве, а к вечеру и вовсе исчезают кусачие мухи. Снова пора на маршрут.

За день болото просохло. Высокие травы колыхнет ветром. Выхожу на точку, из которой мне видно заходящий красный диск дневного светила, и на такой же высоте, только с другой стороны, — взошедшую над лесом полнотелую луну. «Тык-дык, тык-дык, тык-дык», — доносится с небес. Знаю, что это гаршнеп, но на какое-то мгновение память уносит меня в бездну лет, и я вижу себя в настоящей степи, слышу топот приближающегося коня и ощущаю горячее дыхание времени.

Вот солнце скрылось за верхушками деревьев, окружающих болото. Небо становится розовым. Золотистые кучевые облака окрашиваются снизу багрянцем. На дальнем южном конце болота уже встает туман. Затянули свою бесконечную песню сверчки. Кончается еще один чудесный день из той вереницы, что мы называем обыденным словосочетанием — полевой сезон.

Ольга СРЕЛЬНИКОВА.

(Продолжение следует).